

О ТАРАСЕВИЧ И. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ПОМПОЛИТ — ТАРАСЕВИЧ Л. Н.

ТАРАСЕВИЧ Иван Николаевич, родился в 1890-х. С 1914 — на фронте, был ранен, контужен и отравлен газами, пройдя путь от рядового до подполковника русской императорской армии. С 1917 — на лечении, с 1918 — преподаватель в военном училище на Дальнем Востоке, затем работал в финансовом отделе, с 1920 — проживал в станице Баталпашинской Северном Кавказе, работал в учреждениях. Женат на Нине Феоктистовне Тарасевич, в семье — двое детей. В ночь на 8 декабря 1930 — арестован и отправлен в тюрьму Пятигорска.

В мае 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Нина Феоктистовна Тарасевич.

<5 мая 1931>

«Высокоуважаемая Екатерина Павловна!

С чувством невыразимого смущения осмеливаюсь я отвлечь Ваше внимание своим посланием, вынужденными исключительными обстоятельствами, сложившимися в моей жизни.

Вы меня, конечно, не только не знаете, но никогда обо мне не слышали и слышать не могли.

И, тем не менее, я все же обращаюсь к Вам, как к высокогуманному человеку, слух о добрых делах которого докатился и до меня, в надежде, что Вы выслушаете меня великодушно и не откажете в содействии столь необходимом мне в моем глубоком горе.

Я уроженка станицы Баталпашинской на Северном Кавказе, дочь трудового крестьянина-ремесленника, член профсоюза, в течении 26-ти лет своей жизни безвыездно проживаю в названной станице, где после окончания мной школы 2-й степени непрерывно служу в Сов<етских> учреждениях и где 6 лет тому назад вышла замуж и имею двух малолетних детей 4-х и 2-х лет. В ночь на 8 декабря 1930 г<ода>, во время массовых арестов ОГПУ был арестован мой муж Тарасевич Иван Николаевич и заключен в Пятигорском исправ<ительно>-труд<овом> доме, где находится и по настоящее время.

Не зная никакой вины за моим мужем, свыше 10 лет служившим честно и беспорочно Власти рабочих, искренне полагая, что поводом к аресту послужило его бывшее офицерское звание, полученное им после одиннадцати ранений, контузий и отравления газами в период империалистической войны на которую был призван рядовым, — я неоднократно обращалась письменными просьбами и во ВЦИК и к председателю ВЦИК т<оварищу> Калинину, но, не получая никакого ответа, я сомневаюсь, что мои заявления дошли по назначению, а между тем муж мой, в настоящее время и до сего времени томится в Исправ<ительно>-труд<овом> доме, и дело его не закончено. Видя бесцельность дальнейших письменных ходатайств, я именем моих маленьких детей, слезно умоляю Вас помочь моему горю, оказав возможное содействие, ибо то, чего не добилась я издалека, при Вашей помощи вселяет во мне надежду на успех.

Прилагая к сему мое заявление Председателю ВЦИК тов<арищу> Калинину, я прошу, простите меня великодушно за причиняемое беспокойство, приняв во внимание мое глубокое горе и мою последнюю надежду.

5 мая 1931 г<ода>.

Ст<анция> Баталпашинская на Северном Кавказе, Союзный переулоч, 6. Тарасевич Нина Феоктистовна»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 32-33. Автограф.

В июне 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Лидия Николаевна Тарасевич, сестра Ивана Николаевича.

<10 июня 1931>

«Славная Екатерина Павловна!

Испробовав все методы заявлений, постучавшись во все двери, мы решили обратиться к Вам, на которую возлагаем все надежды. Четыре сестры и старуха мать в большом горе, постигшим нашу семью еще в декабре 1930 г<ода>, когда наш брат Иван Николаевич Тарасевич был арестован ОГПУ и направлен в Пятигорский дом зак<лючения> (где находится и по сие время) во время изъятия преступных элементов и ликвидации кулачества, как класса.

Брат наш провел всю империалистическую войну, попав туда рядовым, и за боевые отличия и ранения (11 ранений, контузия и отравление газами), дослужился до чина подполковника. В гражданскую войну он лечился, ему сделали несколько операций, а затем на Д<альнем> Востоке он был преподавателем, а позже служил в Фин<ансовом> отделе. Мы потеряли друг друга из вида с 1917 г<ода>, и брат публиковал в газетах, искал нас и, когда узнал, где мы, то приехал на юг для совместного жительства. Живя в Б<аталпашинс>ке, он служил в различных Сов<етских> учреждениях, член Союза с 1918 г<ода>, голоса лишен никогда не был, последней чисткой Гос<ударственного> аппарата проверен в октябре 1930 г<ода>, т<о> е<сть> за месяц до ареста, от всякой политики был далек. Сейчас у него осталась жена (дочь крестьянина — служащая) и двое детей, из коих старшей 4 года. Жена, чтобы добыть кусок хлеба, была вынуждена поступить на работу счетоводом, и детвора брошена на произвол.

Вот общая картина нашего горя, с которым мы обращаемся к Вам и просим помочь возвратить сестрам и матери родного близкого человека, а детям отца и кормильца.

Екатерина Павловна, Вы добрый, отзывчивый человек, любящий правду. Помогите нам найти и эту правду, мы уверены в том, что он не виноват, но как добиться, чтоб найти концы? Помогите.

Проездом через Кисловодск пишу Вам, постоянно живу в Ленинграде. Уважающая Вас Л. Тарасевич»².

В июле 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью сам Иван Николаевич Тарасевич.

<24 июля 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, голубушка, извините мне, незнакомому, за беспокойство Вас просьбой, пересылки прилагаемого письма Алексею Максимовичу, места нахождения которого в данную минуту, — не знаю, но знаю о Вашей доброте и отзывчивости со слов тех, которые на опыте в том убедились неоднократно. Простите — глубоко за то Вас уважающего. И. Тарасевич.

Пятигорский Д<ом> з<аключения>, камера б»³.

27 сентября 1931 — Иван Николаевич Тарасевич был приговорен к 5 годам ИТЛ и 15 октября отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (на станцию Медвежья Гора Мурманской железной дороги).

В тот же день Нина Фектистовна Тарасевич вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 26-27. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 25. Автограф.

<15 октября 1931>

«Высокоуважаемая Екатерина Павловна!

Несколько времени тому назад я письменно обратилась к Вам с покорнейшей просьбой оказать мне посильное содействие в Москве, по делу мужа моего Ивана Николаевича Тарасевич. Обстоятельства его дела я Вам тогда же изложила, поэтому, чтобы не повторяться, я приступаю к последнему акту моей трагедии (дело моего мужа за № 12907).

После 10 месяцев заключения в Пятигорском Исправ<ительно>-труд<овом> доме мой муж приговором от 27.09.31 г<ода> полит<ической> Тройкой при П<олномочном> П<редставителе> ОГПУ Сев<еро>-Кав<казского> Края присужден к 5 годам концлагерей и сегодня 15 октября этапным порядком, через Ростов-Дон и Москву направляется к станции «Медвежья Гора» Мурманской жел<езной> дор<оги> в распоряжение Нач<альника>жа Соловецких Лагерей.

Не чувствуя за собой никакой вины, на положении «гражданского смертника» в продолжении 300 дней, находившийся в тягчайших условиях заключения, мой муж подорванный и физически, и морально, с неугасшей верой в пролетарскую справедливость, будет апеллировать об отмене приговора и пересмотре дела, возникшего безусловно на почве сведения личных счетов, путем ряда хитросплетений и ложного доноса лицом, как видно, далеко не глупым, сумевшим остаться в тени, а мужа моего довести до гражданского позора и смерти, с незаслуженным и весьма гнусным клеймом на всю жизнь, тогда как мой муж не только не совершал и не замышлял никаких преступлений против Сов<етской> власти, но и не имел никаких связей с кулацкой, буржуазной, эмигрантской и т<ому> п<одобны-ми> противосоветскими прослойками.

Сообщая об этом, я с глубокой признательностью за Ваше сочувствие обращаюсь к Вам, высокоуважаемая Екатерина Павловна, с моей последней просьбой, которую я твердо уверена, Ваша доброта, Ваша чуткость к чужому горю, — не отклонят.

Для моего мужа, здоровье которого после 11 ранений, контузий и отравления газами в империалистическую войну весьма надорвано, ссылка на крайний Север явится не только гражданской смертью, но и физической. Климатические условия Крайнего Севера все всякого сомнения окажут свое пагубное влияние на отравленные газам легкие, и муж мой этой ссылки не выдержит. Если имеется малейшая возможность, я убедительно прошу Вас, высокоуважаемая Екатерина Павловна, оказать содействие в том, чтобы мужа моего задержали в Москве и определили на работы ближе к центру, в условиях, более приемлемых по состоянию его здоровья, где бы он был на виду, и по работе его смогли бы судить о его политической зрелости, устойчивости и преданности Сов<етской> власти, и откуда он мог бы, без риска для своего здоровья, добиваться пролетарской справедливости и правды в высших инстанциях.

Вам для сведения прилагаю к сему копии наших просьб в Президиум ВЦИК`а и копию справки Нач<альни>ка назначения на должности Рев<олюционного> воен<ного> совета тов<арища> Балохонова.

Простите мне мою назойливость, и пусть невыразимое горе мое послужит некоторым для меня оправданием.

Глубокоуважающая Вас, признательная Н. Тарасевич

15 октября 1931 года.

Гор<од> Баталпашинск, Союзный пер<еулок>, 6»⁴.

В ноябре 1931 — Лидия Николаевна Тарасевич, сестра Ивана Николаевича, вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 30. Автограф.

<10 ноября 1931>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Настал момент, когда Вы разрешили мне обратиться снова к Вам. Вчера получила письмо от родных с Кавказа, что брат ссылается в Кемь на Медвежью гору на 5 лет. Со дня на день их отправят. Умоляю Вас помогите: или задержать его, или облегчить его участь. У него осталось 2-е маленьких крошек и больная жена. Мне муж так много о Вас говорил, что я не сомневаюсь, что все, что будет в Ваших силах, Вы сделаете. Буду ждать с нетерпением от Вас весточку.

Уважающая Вас Л. Н. Тарасевич»⁵.

В ноябре 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Роберт Стюарт, муж Лидии Николаевны Тарасевич, сестры Ивана Николаевича.

<17 ноября 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Прошу принять мой сердечный привет и извинить, что беру на себя смелость беспокоить Вас просьбой. Хочу надеяться, что ни Вы, ни тов<арищ> Винавер не забыли Вашего покорного слугу и по возможности исполните мою просьбу. Дело в служащем, мой родственник Иван Николаевич Тарасевич в связи с событиями летом 1930 года на Сев<ерном> Кавказе был арестован и лишь теперь в недалеком прошлом вынесено постановление о заключении его в Концлагерь на 5 лет. Об этом деле Вам писала уже моя жена Лидия Николаевна Тарасевич, а теперь я решил просить Вас Вашей помощи, зная Ваше прекрасное отношение ко мне, надеялся, что оно не изменится, и Вы не откажете.

Наша горячая просьба, это задержать его для работы в Москве или Ленинграде. Я не сомневаюсь, что Вы сможете в этом помочь, и этим облегчите горе семьи.

Буду ждать от Вас ответа с надеждой, что по возможности просьба будет исполнена.

С сердечным приветом Роберт Стюарт.

Ленинград Фонарный пер<еулок>, д<ом> 3, кв. 2»⁶.

В декабре 1931 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Лидии Николаевне Тарасевич.

<13 декабря 1931>

«Л. Н. ТАРАСЕВИЧ.

В ответ на Ваше обращение сообщаю что для ходатайства об оставлении Ив<ана> Н<иколаевича> ТАРАСЕВИЧА для работы по специальности, можете прислать нам на имя ОГПУ заявление, указав место и время его ареста. Заявление передадим и по получении ответа В<ас> уведомим без В<ашего> запроса»⁷.

Весной 1932 — о смягчении участи Ивана Николаевича Тарасевича вновь просили помощи Помполита»⁸.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 37. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 36. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 585. С. 35. Машинопись.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 752. С. 93-95.